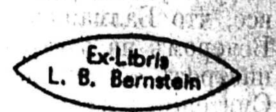
ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

ЛЕТУЧІЙ ЛИСТОКЪ РЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

1902 г. Апрѣль. № 3

ВТОРОЕ АПРѢЛЯ 1902 ГОДА.

Безумно смѣлая по замыслу и блестяще выполненная казнь Сипягина произвела на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Громъ грянулъ въ такую минуту и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его никто не ожидалъ. Были предвидѣны всѣ мельчайшія случайности... Безъ 5 минутъ въ 1 часъ къ малому подъѣзду Государственнаго Совѣта лихо подкатываетъ шикарная карета, запряженная парой кровныхъ рысаковъ. Въ каретѣ въ небрежной позѣ сидѣлъ революціонеръ Степанъ Валеріановичъ Балмашевъ въ блестящей адъютантской формѣ. Швейцаръ подскакиваетъ къ каретѣ и предупредительно отворяетъ дверцы. Не мѣняя позы, величаво и пренебрежительно, процѣживая слова сквозь зубы, какъ и подобаетъ блестящему адъютанту, онъ обращается къ швейцару: „Послушайте, любезнѣйшій, что, министръ внутреннихъ Дѣлъ здѣсь? Я экстренно отъ Его Высочества Сергія Александровича (изъ Москвы)". Фигура швейцара при этомъ еще болѣе подобострастно вытягивается. — „Мнѣ необходимо немедленно видѣть министра." Это было сказано такимъ повелительнымъ тономъ человѣка, умѣющаго и привыкшаго приказывать, что швейцаръ не могъ не проникнуться къ нему довѣріемъ, какъ къ дѣйствительному адъютанту Его Выс. — „Никакъ нѣтъ, не изволили еще прибыть." — „Такъ я, пожалуй, его еще дома застану". Карета поворачиваетъ на Морскую, съ разсчетомъ выиграть время, чтобы не приходилось долго ждать министра; но, отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, снова подкатываетъ къ Маріинскому дворцу. Адъютантъ заявляетъ, что онъ, пожалуй, лучше здѣсь подождетъ министра. Передъ Балмашевымъ, съ чисто адъютантской ловкостью выскакивающимъ изъ кареты, съ портфелемъ въ рукѣ, широко распахиваются двери Комитета. Швейцаръ шепчетъ многочисленнымъ лакеямъ и пр.: „отъ Его Высочества!" Балмашевъ скидываетъ шинель, охорашивается передъ зеркаломъ, снимаетъ съ правой руки перчатку, поправляетъ аксельбанты, раскрываетъ портфель и начинаетъ разсматривать пакеты, въ то же время помѣщая въ удобное положеніе находящійся въ портфелѣ револьверъ. Проходитъ минута-двѣ. Опасались, чтобы Сипягинъ, почему то обыкновенно пріѣзжающій къ Маріинскому дворцу не съ главнаго, какъ большинство министровъ, а съ малаго подъѣзда, въ которомъ ждалъ его Балмашевъ, вдругъ не перемѣнилъ своего обычая. Тогда весь планъ могъ бы не удасться. Но судьба на этотъ разъ покровительствовала Россіи. Ровно въ часъ подкатываетъ министерская карета; выскакиваетъ швейцаръ, докладываетъ: „Къ Вашему Выс.-Превосходительству отъ Его Высоч." Сипягинъ входитъ, въ подъѣздѣ, на встрѣчу ему идетъ „посланникъ неба" и подаетъ министру большой запечатанный пакетъ изъ толстой бумаги (чтобы труднѣе было вскрыть). Балмашевъ старается занять удобную позицію, какъ для нападенія, такъ и для избѣжанія возможности пораненія служителей. — „Въ чемъ дѣло?" недоумѣвая, спрашиваетъ министръ, вскрывая пакетъ. — Вотъ въ чемъ — спокойно отвѣчаетъ Балмашевъ и быстро вынимаетъ изъ портфеля револьверъ.* Балмашевъ старается стрѣлять снизу вверхъ, чтобы пуля, пройдя на вылетъ, не задѣла окружающихъ и попала въ потолокъ. Раздаются одинъ за другимъ четыре выстрѣла — бездымный порохъ дозволяетъ каждый разъ цѣлиться — и, получивъ отъ первыхъ же выстрѣловъ двѣ смертельныхъ раны, министръ падаетъ къ ногамъ спокойно стоящаго Балмашева, который старается успокоить обезумѣвшую прислугу. — „Не бойтесь, братцы, васъ не тронутъ. Помните, что такъ поступаютъ только съ врагами народа." Балмашевъ не дѣлаетъ попытки скрыться... Самообладаніе и спокойствіе Балмашева, по разсказамъ очевидцевъ, поразительно; такое отчаянное спокойствіе можетъ выработать только русская жизнь, являющаяся въ наши дни тяжкимъ временемъ для людей, способныхъ мыслить, чувствовать. Допросъ Балмашева сильно разочаровалъ власти. „Я Степанъ Балмашевъ, что я убилъ Сипягина — вы знаете, больше мнѣ говорить вамъ нечего. Всѣ

* Дальнобойный, системы Broning — пробиваетъ 5 дюйм. доску, не даетъ осѣчекъ, и чрезвычайно удобенъ тѣмъ, что, будучи совершенно плоскимъ, свободно помѣщается въ боковомъ карманѣ сюртука.

ложенное на страну упрямымъ Побѣдоносцевымъ, мѣропріятія котораго противъ такихъ людей, какъ Левъ Толстой и Максимъ Горькій, заставляютъ краснѣть самыхъ политически умѣренныхъ людей. Духовной свободы — требуютъ одни, насущнаго хлѣба — другіе, существованіе которыхъ становится слишкомъ труднымъ отъ плохого хозяйничанія... Поступокъ убійцы Сипягина является для петербургскихъ властителей грознымъ предостереженіемъ. Они слишкомъ натянули лукъ, — и давно пора, если хотятъ при господствующемъ теперь озлобленіи избѣжать бóльшихъ несчастій, надлежащимъ образомъ оцѣнить народное настроеніе и недовольство.... Это—первое предостереженіе со стороны подавленныхъ угнетателями. Еще не поздно измѣнить ходъ дѣлъ. Если бы царь Николай сумѣлъ освободиться отъ путъ, которыми его окружили Побѣдоносцевъ съ товарищами, онъ... могъ бы явиться спасителемъ своего царства“.

Архибуржуазная Vossische Zeitung: „На одной сторонѣ—упрямое стремленіе сохранить старые глубоко-вкоренившіеся пороки, разсматриваемые какъ національныя особенности; на другой—горячее желаніе поднять свою родину на высоту культурнаго государства... Въ рукахъ государя лежитъ теперь разрѣшеніе. Актомъ примиренія онъ можетъ остановить потокъ. Слишкомъ невѣроятно, чтобы удалось задавить живое движеніе старымъ насильственнымъ средствомъ“.

ГОЛОСЪ МОЛОДЕЖИ.

Темную, мрачную историческую ночь переживаетъ Россія — время борьбы за право на самую жизнь, время тюрьмы, ссылки и поруганія... Нѣтъ того дѣла, той сферы жизни, которыхъ не коснулась-бы реакція своимъ дыханіемъ. Все, что говоритъ о человѣкѣ, о законѣ, терпитъ казнь и изгнаніе. Все принесено въ жертву молоху самодержавія. Голодъ, усмиренія, стоны... Заживо погребенная, Россія бьется подъ гробовой крышкой, проситъ жизни, свободы, свѣта и встрѣчаетъ... побои, тюрьму, издѣвательства. Ужасъ леденитъ душу человѣческую, отчаяніе за будущее родной страны наполняетъ ее, и неоцѣненна передъ родиной заслуга героя, который въ это трудное время укрѣпитъ въ душѣ вѣру въ торжество правды и въ этой атмосферѣ мрака, стоновъ и отчаянія освѣтитъ жизнь величіемъ своего подвига...

Героевъ даетъ и наша жизнь. 2-го апрѣля убитъ министръ Вн. Дѣлъ. Это сдѣлано во имя правды, свободы человѣка, во имя всего, что только одухотворяетъ жизнь, даетъ ей смыслъ и цѣну. Онъ долженъ былъ умереть, ибо надругался надъ жизнью, исторгъ изъ нея самую душу. Это сдѣлано за преслѣдованіе мысли, за попираніе человѣческихъ правъ, за *приниженіе Россіи къ ногамъ самодержавной шайки.*

Это было сдѣлано за наглое узаконеніе нагайки — этого позора нашей страны — какъ средства отвѣчать на голосъ русскаго гражданина. Это — возмездіе за высылку въ Сибирь лучшихъ русскихъ людей, за уличныя расправы. Это — отвѣтъ на самоубійства заключенныхъ въ тюрьмахъ, на ихъ голоданіе, на всѣ униженія и оскорбленія, которыми исполнена ихъ жизнь...

Когда Россія, теперь раба, исполнится творческаго духа и властно скажетъ: „да будетъ свѣтъ!“, она съ гордостью вспомнитъ своего героя и запишетъ подвигъ его на страницахъ исторіи.

3-го апрѣля. СТУДЕНТЫ.

У ГРОБА.*)

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась.
То одна изъ ступеней отъ трона царя
Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась.

Безсердечный палачъ упокоенъ на вѣкъ,
Не откроются мертвыя очи...
И трепещетъ у пышнаго гроба его
Въ изумленіи деспотъ Полночи.

Мраченъ царь. Думу крѣпкую думаетъ онъ:
„Кто осмѣлился стать судіею
„Надъ тобою, надъ вѣрнымъ слугою моимъ,
„Надъ любимцемъ, возвышеннымъ мною?

„Не злодѣй ли безъ правды и бога въ душѣ?
„Не завистникъ ли подлый, лукавый?
„Или врагъ потайной, или недругъ лихой,
„Преисполненный местью кровавой?“

Все молчитъ. Нѣтъ отвѣта. Кругомъ тишина.
Лишь псаломщикъ кафизмы читаетъ,
Да свѣтильня дрожитъ... И вторично судьбу
Самодержецъ-монархъ вопрошаетъ.

Вотъ упала свѣча и потухла, дымясь,
Вслѣдъ за нею потухли другія;
Мракъ густой опустился на бархатный гробъ,
На покровы его дорогіе.

Царь стоитъ и не вѣритъ смущеннымъ очамъ!..
Какъ на гласъ неземнаго велѣнья,
Поднялись и проносятся мимо его
Рой за роемъ живыя видѣнья.

Изможжены, избиты, въ тяжелыхъ цѣпяхъ,
Кто съ простреленной грудью, кто связанъ,
Кто въ зіяющихъ ранахъ на вспухшей спинѣ,
Будто только что плетью наказанъ.

Тутъ и лапоть крестьянскій, и черный сюртукъ,
Женскій локонъ, солдатикъ въ мундирѣ, —
И съ веревкой на шеѣ удавленный трупъ,
И поэтъ, заморенный въ Сибири.

Словно духи, на страшную тризну сошлись
Въ часъ условный ночнаго свиданья,
Подлетѣли и, ставши кругомъ мертвеца,
Затянули ему отпѣваніе:

---

*) Это стихотвореніе, написанное въ 1878 г. на смерть Мезенцева извѣстнымъ адвокатомъ Ольхинымъ, какъ нельзя болѣе подходитъ къ настоящему моменту, — быть можетъ, къ Сипягину оно подходитъ даже еще болѣе, чѣмъ къ Мезенцеву...

Примѣняясь къ настоящему моменту, мы въ двухъ-трехъ мѣстахъ позволили себѣ внести въ стихотвореніе незначительныя измѣненія.

Отпѣваніе.

Жизнью распутною всхоленный,
Нашею кровію вспоенный,
Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
Пытки и казнь проповѣдавшій,
Шедшихъ дорогой тернистою
Мявшій стопою нечистою
Въ страшной неравной борьбѣ!
Вѣчная память тебѣ!

Память позорная
Мысли гонителю!
Память укорная
Злому мучителю!
Непоправимая,
Неизгладимая
Безчеловѣчная,
Вѣчная, вѣчная
Память тебѣ!!

Застучали оковы на тощихъ ногахъ,
Въ расшивной катафалкъ ударяясь,
И съ проклятіемъ громкимъ они понеслись,
Черной кровью изъ ранъ обливаясь.

Но видѣнье одно, долетѣвъ до царя,
Передъ нимъ неподвижное встало
И, взглянувъ на него, съ молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Блѣдный ликъ его гнѣвнымъ укоромъ сверкалъ,
Страстный вызовъ во взорѣ свѣтился:
„Царь, ты вѣдать хотѣлъ, кто любимца убилъ,
Кто на подвигъ кровавый рѣшился?

„Не злодѣй, не завистникъ, не недругъ лихой;
Не свои вымещалъ онъ обиды.
То посланникъ смиренный, послушный боецъ,
Всенародной святой Немизиды.

„Не опричника злого онъ жизни искалъ.
Что опричникъ? ихъ много найдется....
Царь, ты совѣсть спроси — и правдивый отвѣтъ,
Можетъ быть, въ ея нѣдрахъ проснется.

„За тебя изведенъ твой послушный холопъ,
Исполнитель кровавыхъ велѣній.
Ты убійца его! Погляди и казнись —
Это жертва твоихъ преступленій!

„Царь, вспоенный коварною лестью рабовъ,
Богъ земной, лишь себя обожавшій!
Ты, безличный пигмей, своей царской рукой
Весь народъ нашъ великій сковавшій!

„Окруженный плеядой дворцовыхъ свѣтилъ,
Въ облакахъ покупныхъ ѳиміамовъ —
Не разслышалъ ты вопля родимой земли,
За напѣвомъ придворныхъ баяновъ.

„Ты не вѣдалъ, не зналъ за обильнымъ столомъ,
Какъ въ нуждѣ умираетъ голодный;
Какъ блудница, съ друзьями своими моталъ
Ты послѣдній достатокъ народный!

„А повсюду — и голодъ, и холодъ, и моръ!
Обездоленный грабитъ, воруетъ!
Свищутъ розги въ поганыхъ рукахъ становыхъ,
А избитый тѣ руки цѣлуетъ!

„Подойди и взгляни! Убивается мать...
Въ казематѣ сгноилъ ея сына
Ты за то, что въ пигмеѣ, въ тебѣ, онъ не могъ
Міровового признать исполина.

„Изъ родимаго дома его увезли
И въ гранитный мѣшокъ посадили,
И на годы, на долгіе годы въ тюрьмѣ,
Какъ ненужную ветошь, забыли.

„Вотъ рыдаютъ младенцы, рыдаетъ вдова,
Схоронивши колодника мужа;
Вторятъ имъ невпопадъ, завывая, мятель
И Сибири трескучая стужа.

„Да товарищъ унылый стоитъ въ кандалахъ,
Надъ могильнымъ холмомъ вспоминая,
Какъ завяла во цвѣтѣ загубленныхъ силъ
Безкорыстная жизнь молодая.

„Стонутъ финнъ, и полякъ, и забитый еврей,
Стонетъ пахарь нашъ многострадальный,
Заграницей убѣжища ищетъ себѣ
Яркій свѣточъ науки опальной.

„Всюду ходитъ бѣда, по селамъ, городамъ,
Во дворы, въ конуры заползая,
Волкомъ бѣшенымъ по міру рыщетъ она,
Воронье на поминки сзывая.

„Стонъ и вопли страдальцевъ до самыхъ небесъ
Горемычной росой поднялися
И вселенскою тучей надъ трономъ твоимъ
Съ цѣлой русской земли собралися.

„И виситъ эта туча и будто бы ждетъ,
Словно крылья орелъ расправляетъ;
Но ударитъ твой часъ — грозовая стрѣла,
Какъ архангела мечъ, засверкаетъ.

„Каждый стонъ, каждый вздохъ, пролитая слеза
Въ огнедышащихъ змѣй обратятся
И въ сердца зачерствѣлыя лютыхъ враговъ
Милліонами зубьевъ вонзятся".

...Все исчезло во тьмѣ,
И умолкли правдивыя рѣчи....
Встрепенулся псаломщикъ, опять зачиталъ,
Восковыя затеплились свѣчи.

Все какъ прежде — и гробъ, и покрытый налой,
Зеркала обвиты простынями,
И холодный, суровый въ мундирѣ мертвецъ,
И покровъ съ золотыми кистями.

А. А. Ольхинъ.

Типографія Партіи Соціалистовъ-революціонеровъ.